

⁹⁰ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 154, л. 70.

⁹¹ Бердинских В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 309.

⁹² Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 7–8.

⁹³ Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг. М., 2000. С. 368, 377.

⁹⁴ Соболев И.Г. Указ. соч. С. 42, 57, 61.

⁹⁵ Нелипович С.Г. Варшава: шпионские страсти Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». М., 2009. С. 551, 557.

⁹⁶ Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1999. С. 373–374.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений 1922–1939 гг. Архивные документы. Комментарии. М., 2009. С. 430–431.

⁹⁹ Шубина А.Н. Политика российского правительства по отношению к немецким колонистам во время Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 6. С. 75.

¹⁰⁰ Шульга И.И. Русско-японская война и немцы Поволжья // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». С. 334.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 156, л. 216.

¹⁰² Ионг Л., де. Указ. соч. С. 270.

¹⁰³ Мартыненко В.Л. Указ. соч. С. 445.

¹⁰⁴ Ионг Л., де. Указ. соч. С. 270.

¹⁰⁵ Bergen D.L. Op. cit. P. 573.

¹⁰⁶ Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 165, 237.

© 2012 г. К. Н. МАКСИМОВ*

УСТАНОВЛЕНИЕ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НАЦИСТОВ В КАЛМЫКИИ (август – декабрь 1942 г.)

В конце июля 1942 г., после серьезных успехов в Крыму и под Харьковом, соединения немецкой группы армий «Юг», разделенные, согласно директиве Гитлера № 45 от 23 июля 1942 г., на группы армий «А» и «Б», захватив стратегическую инициативу и подведя свежие резервы, перешли в мощное наступление на кавказском и сталинградском направлениях. Немцы вынудили войска Красной армии Южного фронта отойти к нижнему течению Дона, а Юго-Западного – за Дон, к Сталинграду. В результате фронт советских войск оказался расколотым, в нем образовалась брешь шириной до 500 км.

Военные соединения группы армий «Б», наступавшие на сталинградском направлении, с начала августа 1942 г. стали вторгаться с юга (части 52-го армейского корпуса) и запада (части 40-го и 48-го танковых корпусов 4-й танковой армии) на территорию Калмыцкой АССР. К середине августа войска противника овладели и взяли под контроль стратегическую дорогу Ворошиловск (Ставрополь)–Дивное–Элиста–Сталинград (до внешнего обвода сталинградской обороны) и от Элисты на 140 км углубились на астраханском направлении. В результате, в театр предстоящих военных действий группы армий «Б» попала и калмыцкая степь – область размером с Бельгию, по выражению немецкого историка В. Тике.

* **Максимов Константин Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Группе армий «Б» противостоял Сталинградский фронт, развернутый по рубежу: Ерзовка–Сталинград–Ивановка–озеро Сарпа (сев. оз. Барманцак – оз. Сарпа (южн.)) – Яшкуль. Однако на территории Калмыкии с обеих сторон не было сплошной линии фронта, имелись лишь опорные пункты – села (хотоны), фермы, высоты (курганы). С захватом немцами 12 августа 1942 г. Элисты в оккупации оказались полностью 5 улусов (Западный, Яшалтинский, Приютненский, Троицкий, Кетченеровский) и частично 3 (Сарпинский, Малодербетовский и Черноземельский) из 13 улусов Калмыцкой АССР. В соответствии с директивой Гитлера от 20 августа и приказом командующего группой армий «А» от 23 августа 1942 г. в калмыцкую степь с 25 августа на смену уходящим на Кавказский военный театр 111-й и 370-й пехотным дивизиям 52-го армейского корпуса стали прибывать подразделения 16-й моторизованной дивизии (мд), командир – генерал-лейтенант З. Хейнрици.

Нацисты первоначально планировали включить Калмыкию в состав рейхскомиссариата «Украина» и намеревались назначить ее генеральным комиссаром бригаденфюрера СС Х. Иоста. Однако 5 июня 1942 г. накануне наступления на Восток фашистское руководство утвердило «Рабочий план и штатное расписание министерства по делам оккупированных восточных областей». По нему намечалось создать рейхскомиссариат «Кавказ» в составе семи отделов, в их числе «Калмыцкую область»¹.

Согласно схеме организации местной администрации в оккупированной части СССР, Калмыкия была отнесена к области военного управления. Поэтому в оккупированных улусах немцы, не создавая вертикальную административную власть, в каждом селе под своим надзором формировали правления во главе со старостой, «избираемым» населением по рекомендации военного коменданта или назначаемым военной властью. При этом применялись различные способы и методы привлечения населения к сотрудничеству с немцами. Были случаи и добровольного предложения отдельными советскими гражданами своих услуг врагу (недовольные советским режимом и не примирившиеся с ним, бывшие раскулаченные, репрессированные, а также конформисты).

Немцы, предварительно изучив кандидатуру, а также по рекомендации населения села, поселка могли предложить тому или иному лицу занять должность. Преимущественно нацисты принуждали под страхом смерти идти к ним на службу. Причины на согласие сотрудничества были разные – бытовые, т.е. желание обеспечить семью питанием, или же с целью ведения скрытой борьбы с врагом. В условиях оккупации сотрудничество отдельных граждан республики носило вынужденный характер как на бытовом, так и на административном уровнях. Если первый вид сотрудничества не причинял вреда коренным интересам родины, то второй – чаще всего представлял собой одну из форм коллаборационизма. Среди старост и полицейских были антисоветски настроенные люди, их действия были продиктованы осознанным желанием добросовестно служить врагу, однако имелись и сознательно согласившиеся пойти на службу к противнику, только с иными целями – патриотическими, борьбы с врагом, облегчения участи односельчан. Так, в августе 1942 г. И.Т. Говенко по просьбе односельчан вынужденно дал согласие военному коменданту Яшалтинского улуса Швабу на назначение старостой с. Красномихайловки. Говенко, 1884 г. рождения, плотник колхоза «Коминтерн» (четверо его сыновей сражались на фронте) активно со всей семьей включился в тайную борьбу против оккупантов. 4 ноября 1942 г. он и члены его семьи (16 человек) были расстреляны начальником улусной полиции А.Г. Миллером и его заместителем Г.Е. Кокиным. Вскоре старостой с. Красномихайловки был назначен местный житель Копейко (он и Д.П. Оголь предали Говенко).

В начале августа 1942 г. немецкая военная власть назначила старост, сформировала полицейские службы во всех селах, в том числе в с. Яшалта старостой стал Яков Землянский, и укомплектовала полицию из числа местных жителей в составе 30 человек. 18 комсомольцев улуса (6% от находившихся в оккупации), из них 6 калмыков, пошли служить полицейскими². Что заставило молодых людей, родившихся при новом строе и воспитывавшихся в духе преданности партии и советской власти, легко отречься от их идей, которые они впитывали с молоком матери, и пойти на службу врагу?

В обстановке, когда немцы стремительно вторглись в улус, а местные власти проявили беспомощность и неорганизованность, в души некоторых представителей молодежи, по всей вероятности, закрались сомнения в прочности существующего режима. Среди них были и такие, которые предложили свои услуги оккупантам под влиянием родителей, родственников, вставших на путь предательства, а также согласившиеся под угрозой расправы, смерти.

Аналогичным образом в первые же дни оккупации немцы построили управление и в других улусах. В Западном военный комендант В. Плис назначил начальником полиции Киппеля, местного эстонца, его заместителем – Гамолу, старостой поселка Башанты – Мышлаевского, совхоза № 112, располагавшегося на территории Башантинского поселкового совета, – И.Я. Коженабаева, работавшего до оккупации завхозом этого же хозяйства. Он и старший агроном совхоза И.М. Бреславец, оставленный немцами в прежней должности, по доносу предателей 4 ноября 1942 г. были казнены за сокрытие зерна и тракторов. В этом же улусе в полицию пошли служить 10 комсомольцев (2.8%), из них 5 калмыков³.

В первые же дни оккупации противник приступил к созданию в Приютненском улусе пронацистских служб управления всех уровней. Военная комендатура начала формирование с улусных руководителей: старостой улуса назначили Романенко, начальником полиции – Орлова, старостой с. Приютного – Будилина. Оккупационную власть в Троицком улусе представляла комендатура во главе с майором Бельком, который оперативно сформировал местные органы управления. Он назначил начальником полиции улуса Каземирова, старостой – В.Б. Абдушинова; старостой с. Троицкого – Д.К. Ефремова. Оккупанты в Кетченеровском улусе возложили руководство органами управления «нового порядка» на известных людей, которые добровольно согласились сотрудничать с ними: староста улуса – Мучкаев, затем его сменил Менкеджиев, начальник полиции – М.К. Кекеев, староста с. Кетченеры – Б.М. Эрендженев.

Фашисты, ворвавшись в с. Садовое Сарпинского улуса, повесили милиционера И.В. Мураева, расстреляли 15 бойцов, а еще 15 раненых из 110-й кавалерийской дивизии сожгли в помещении кулестана колхоза «Гигант». Захватив населенные пункты Сарпинского улуса, немцы объявили о прекращении деятельности всех прежних структур государственной и партийной власти и приступили к формированию своих местных органов управления, подчиненных военным властям. Военный комендант Сарпинского улуса капитан Блюц назначил своим приказом старостой улуса А. Русакова, его помощниками – И.М. Коровянского и И.К. Каджиева, начальником полиции – Саралдаева, его заместителями – Е. Балакаева и Н.А. Кассирова. В первые же дни пребывания военный комендант Блюц издал приказ о том, чтобы все мужчины в возрасте 14–60 лет являлись в комендатуру каждое утро и вечер на проверку. Там же указывалось, что за каждого убитого немецкого солдата будут расстреляны 60 человек, а за румынского солдата – 40, за нарушение связи – 20. С этой целью оккупанты взяли в заложники 60 человек⁴.

Структура пронацистского управления в Малодербетовском улусе была построена по типу других оккупированных улусов. Во всех захваченных селах улуса сформировали вспомогательные службы из представителей местного населения – сельские правления во главе со старостами (в с. Плодовитом, где временно размещался штаб 4-й танковой армии генерала Г. Гота, – Ф.М. Гуляев).

Одним из важных в военном отношении районов Калмыкии, где проходил рубеж на подступах к Астрахани и велись довольно ожесточенные сражения, был Черноземельский улус, почти полностью оккупированный немцами. Рассматривая его территорию как плацдарм для продвижения к низовьям Волги, они вели активную работу по укреплению своих позиций в населенных пунктах, подготовке к проведению наступательных операций. Поэтому здесь с целью бесперебойного обеспечения воинских частей продовольствием и водой, строительства казарм и дорог, рытья окопов и блиндажей были оперативно сформированы органы местной администрации, подчиненные военной комендатуре. Пронацистские местные органы управления комплектовались

на добровольных началах и в принудительном порядке из числа местных жителей. В улусном центре с. Яшкуле старостой был назначен М. Облякиев, начальником полиции – Б. Кичиков.

Противник, ворвавшись в Элисту, в течение 12 и 13 августа 1942 г. занимался подготовкой к возможной контратаке частей Красной армии, а также размещением личного состава в городе и пригородных селах, вплоть до с. Троицкого. 14 августа в город начали прибывать командования 111-й и 370-й пехотных дивизий, их основные подразделения (имелась уже готовая военная комендатура во главе с гауптштурмфюрером СС Мауэром).

15 августа жителей Элисты согнали на собрание, явка на котором составила не более 15% от всех оставшихся и не успевших скрыться. Мауэр, объявив об упразднении советской власти и ее государственных учреждений, зачитал приказ об установлении «нового порядка» и о формировании местных органов управления. Присутствовавшим он сообщил о том, что главой города по рекомендации собрания его жителей назначен В.Ф. Беленко, до оккупации работавший директором городского маслозавода (он вскоре был расстрелян по подозрению в подпольной деятельности), начальником полиции – Курахтонов, его заместителем – М. Савельев. Эти назначения действовали до прибытия на замену частям указанных двух дивизий 16-й мд, которая должна была вести активные боевые действия на астраханском направлении. Начата 25 августа передислокация в Калмыкию частей 16-й мд завершилась к концу того же месяца. Командование мд назначило военным комендантом Элисты обер-лейтенанта Д. Риттера. Службу гестапо в оккупированной части территории Калмыкии возглавил штандартенфюрер СС К. Вольф. Курахтонова и Савельева (он вскоре заменил своего шефа) оставили в прежних должностях, начальником уголовного розыска назначили Н. Бондаренко, начальником тюрьмы – Пауля, комендантом принудительного лагеря, находившегося в 3 км от города, – Г. Шварцкопфа, его заместителем – Ларина.

В сентябре 1942 г. военная комендатура окончательно сформировала из коллаборационистов гражданскую администрацию – Элистинское городское управление (горуправу). Руководство ею было возложено на двух городских голов – Н.П. Трубу и Б. Цуглинова (по работе с калмыками), подобранных нацистами в соответствии с инструкцией, как правило, из антисоветских элементов (при этом стремились назначать не из местных). Н. Труба, по национальности украинец, сын репрессированного кулака, приехал в Калмыкию в 1940 г. из Орджоникидзевского края, до оккупации Элисты работал агрономом в пригородном колхозе им. Сталина. Б. Цуглинов – по национальности калмык, в годы Гражданской войны служил в Белой армии, находился в эмиграции, вернулся и до оккупации работал бухгалтером в автоуправлении республики. Нацисты, назначая двух равноправных руководителей горуправы разных национальностей, надеялись, что конкуренты – украинец и калмык – будут контролировать друг друга и займутся доносом, стараясь выслужиться перед оккупационными властями.

Немецкая администрация приказом ввела трудовую повинность для всех граждан города 12–60 лет. За уклонение от работы предусматривался штраф в 1 тыс. руб. или арест с отправкой в принудительный лагерь. Уже на следующий день оккупации фашисты взяли на учет всех евреев и начали методично их уничтожать.

Аппарат управления Элисты состоял из отделов, руководители которых подбирались городскими головами и утверждались военным комендантом. В структуру горуправы входили канцелярия, бухгалтерия и отделы: городского хозяйства (начальник Т.Г. Попков, его заместитель П. Постольников, на которого были возложены и обязанности попечителя церквей); городского строительства (начальник Лобачев); жилищный (начальник Батовский, вскоре его сменил О.П. Иванов); торгово-продовольственный (Орлов); финансовый (начальник Виноградов, затем – Никитин); просвещения, культуры, здравоохранения, местной промышленности (Таришкин); пригородного хозяйства (Тапчиев) (вскоре функции этого отдела передали земельному отделу). Городскую типографию доверили Дорджиеву. Одним из основных отделов горуправы стал земельный (начальник Н.Г. Корниенко, агроном Н. Кийков, зоотехник Л. Дамбинов),

главная задача которого заключалась в организации снабжения продовольствием и фуражом немецких воинских частей, сбора сельскохозяйственного сырья – шерсти, кожи, а также скота для отправки в Германию, за пределы Калмыкии на продовольственные нужды немецкой армии⁵. В его распоряжении находилось значительное количество оставленного скота (более 700 тыс. голов), зерна, шерсти, кожи, которое партийные и государственные органы республики не успели своевременно эвакуировать. По свидетельству немецкого историка Н. Мюллера, только в октябре 1942 г. 6-я немецкая и 3-я румынская армии через войсковые сборные пункты из оккупированных районов (сюда входила и Калмыкия. – *М.К.*) получили 37 тыс. голов крупного рогатого скота (крс) и 84 тыс. овец⁶.

В 16-ю мд, численность личного состава которой в 1,5 раза превышала штаты военного времени, входили коллаборационистские части (2 казачьих полка, туркестанские и кавказские легионы). Помимо того, на севере республики дислоцировались части 4-й румынской и 4-й танковой армий, потребность которых в продовольствии была огромна. Например, для немецких и румынских частей, находившихся с 5 августа по 22 ноября 1942 г. в с. Плодовитом Малодербетовского улуса забили 1 190 голов крс, 2 853 овцы, 627 свиней, 9 тыс. птиц.

В Кетченеровском улусе на продовольственные нужды немцы и румыны изъяли из общественного и индивидуального пользования 3 628 голов крс, 51 766 овец, 1 300 лошадей, 152 верблюда, 1 452 свиньи, 7,5 тыс. птиц; в Сарпинском улусе – 2 292 головы крс, 46 530 овец, 995 лошадей, 1 164 свиньи; в Малодербетовском улусе – 25 407 голов скота и 19 142 птицы⁷.

Обязанностями жилищного отдела горуправы являлись расквартирование солдат и офицеров германской армии, подготовка и ремонт казарм, создание всех необходимых бытовых условий. Отдел местной промышленности занимался организацией мыловарения, обработки кожсырья и пошива полушубков, рукавиц, изготовления валенок для солдат 16-й мд. Основное назначение отдела здравоохранения заключалось не столько в обслуживании гражданского населения, сколько в организации лечения немецких солдат. Начальником отдела здравоохранения был назначен И.Ф. Агеев, до оккупации работавший заведующим хирургическим отделением городской больницы, его заместителем – Г.Ш. Шакунов, бывший заведующий горполиклиники. При отделе организовали службу санитарного надзора во главе с врачом А.Н. Спириной. К середине сентября учреждения здравоохранения почти полностью укомплектовали (в них работали 100 человек, в том числе 4 калмыка – врач, акушер, санитарка, санитар в морге)⁸.

Земельный отдел начал проводить в оккупированной части Калмыкии политику «нового порядка землепользования», введенную Восточным министерством согласно «Новому аграрному порядку» для «освобожденных областей» от 15 февраля 1942 г. В постановлении, подписанном рейхсминистром А. Розенбергом 27 февраля 1942 г., отменялись «Примерный устав сельскохозяйственной артели», все советские декреты, законы и постановления о коллективных хозяйствах, колхозный строй упразднялся и объявлялось о постепенном переходе к частнособственническим крестьянским хозяйствам⁹. Но все это планировалось реализовать в далекой перспективе. На начальном этапе предполагалось создание сельскохозяйственных кооперативов, представлявших собой объединения индивидуальных хозяйств («совместные хозяйства»), из которых впоследствии должны были естественным путем выделиться частные единоличные хозяйства, имевшие, например, в Калмыкии не менее «100 овец и 20 коров».

Согласно немецкой поэтапной реформе колхозов, начальник земельного отдела Н.Г. Корниенко приказом от 12 ноября 1942 г. преобразовал 31 колхоз пригорода и близлежащих улусов в общинные хозяйства, переименовав их в номерные сельскохозяйственные товарищества, совхозы – в государственные имения, МТС – в сельскохозяйственные опорные пункты. По сути колхозы были сохранены, изменены лишь названия. Это давало возможность теми же социалистическими методами и в тех же формах государственных поставок изымать сельскохозяйственную продукцию. Все колхозни-

ки прошли перерегистрацию как члены товариществ, которые теперь должны были работать в общинном хозяйстве под надзором старост, назначенных военным комендантом. В пригородных сельскохозяйственных товариществах (№ 1 – бывший колхоз им. Ленина, № 2 – им. Володарского, № 3 – им. Сталина, № 4 – им. Молотова) немцы оставили в качестве старост бывших членов ВКП(б), председателей этих же колхозов (соответственно – Л.Г. Яковенко, Я.Г. Борцова, П.Е. Фрольцева, А.К. Долина), которые показали свою лояльность к оккупантам и послушно выполняли их указания¹⁰.

Приказ по земельному отделу городского управления от 13 ноября 1942 г. гласил: «На основании указания комендатуры приказываю: 1) Старостам сельскохозяйственных товариществ впредь категорически запретить убой общественного скота на питание. 2) Убой скота индивидуального пользования производить только согласно письменного разрешения сельских старост. 3) Нарушители настоящего приказа будут нести ответственность перед комендатурой»¹¹. Такая «забота» оккупантов объяснялась, конечно, необходимостью строгого учета и контроля за всеми ресурсами колхозов и индивидуальных хозяйств Калмыкии с целью продовольственного снабжения своей армии, вывоза скота в Германию. Согласно указаниям элистинской военной комендатуры, ежедневно на питание немецких воинских частей, дислоцированных в Элисте и ее окрестностях, забивали до 50 голов крупного рогатого скота, перерабатывали до 8 т зерна на муку.

Особое внимание военная комендатура города уделяла доставке офицерам и солдатам молока. Городское управление, выполняя ее указание, 5 октября 1942 г. издало распоряжение, вводящее в Элисте, пригородных колхозах и близлежащих селах обязательные нормы сдачи молока жирностью не менее 3.9% в виде натурального налога безвозмездно. В распоряжении горуправы, опубликованном в пронацистской газете «Свободная земля» 6 октября, указывалось, что «каждый владелец дойной коровы обязан сдать на приемный пункт молоко: за октябрь – 25 л, ноябрь и декабрь – 20 л в месяц, владельцы яловых коров-передоек обязаны сдать: за октябрь – 15 л, ноябрь и декабрь – по 10 л в месяц». Постоянное наблюдение за своевременной и полной сдачей молока возлагалось на земельный отдел и участковых старост.

Хотя оккупационные власти вели ежемесячный учет количества взятых сельскохозяйственных продуктов, скота, сырья, к сожалению, в сохранившихся документах пронацистских учреждений не удалось обнаружить общие сведения по Калмыкии. Однако имеющиеся письма, некоторые документы на немецком языке свидетельствуют о насильственной реквизиции имущества, продовольствия и об учете их в военных комендатурах. Одним из таких документов является, по всей вероятности, последнее письмо земотдела старостам сел (ноябрь 1942 г.), на территории которых находились сельхозтоварищества. Так, в письме от 14 ноября старосте с. Вознесеновки А.К. Долину предписывалось «срочно представить по заданию военного коменданта сведения о сдаче германской армии скота по видам и возрастам, шерсти, кожи, мяса и птицы, а также имеющиеся у вас документы на немецком языке»¹².

Иногда немецкие военные комендатуры свои требования данных по реквизируемому скоту объясняли населению желанием якобы рассчитаться с хозяйствами. Фактически же никакая оплаты не производилась. В лучшем случае давалась расписка на заготовленный бланке, подписанная любым офицером дивизии. Поскольку одной из основных задач экономического ограбления оккупированных улусов являлся сбор и вывоз продовольствия в Германию, нацисты испытывали серьезные трудности в таре. Так, приказ по городскому управлению от 17 октября 1943 г., подписанный обоими головами – Трубой и Цуглиновым, гласил: «В связи с имеющимся требованием военной комендатуры гор. Элисты в мешковой таре приказываю: 1) Всем уполномоченным города Элисты, а также прилегающих поселков срочно приступить к сбору мешковой тары среди населения города и поселков, т.е. с каждого хозяйства по 2 мешка. 2) Уполномоченным колхозов, имеющим в наличии мешковую тару, срочно представить ее в распоряжение городской комендатуры (земельный отдел). 3) Всю мешковую тару

собрать в 3-дневный срок, т.е. до 20 октября с.г. и представить в военную комендатуру (земельный отдел)»¹³.

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, откровенно признаваясь в том, что с советских оккупированных территорий для нужд военного производства вывозились машины, цветной металл, зерно, технические культуры, лошади и скот, несколько лукавил, когда писал: «О разграблении этих областей, естественно, не могло быть и речи. В немецкой армии – в противовес остальным – грабеж не допускался... вывезенное нами с заводов, складов, из совхозов, колхозов и т.п. имущество или запасы между прочим представляли государственную, а не частную собственность»¹⁴. Как видим, Манштейн, понимая невозможность никакими словами скрыть грабительскую политику нацистов, пытался ее оправдать тем, что не трогали частную собственность. Однако, как известно, в Советском Союзе по Конституции она не допускалась, а была только социалистическая собственность в формах государственной и кооперативно-колхозной. Наиболее достоверные результаты грабежа временно захваченных советских территорий показал немецкий историк Н. Мюллер: «В 1942 г. в Германию прибыли более 3 тыс. эшелонов с продовольствием из оккупированных областей СССР»¹⁵. Несомненно, в этих эшелонах находились продукты сельского хозяйства, награбленные и в Калмыкии.

С октября 1942 г. вражеские власти, согласно приложению к специальному приказу оперативного отдела генштаба немецкой армии за № 4376/41, предписывавшему любыми способами добывать в занятых областях одежду для солдат и офицеров, начали в принудительном порядке сбор теплых вещей у местного населения. Старосты и их уполномоченные, десятники, отбирали свитера, шарфы, шапки, варежки, носки, заставляли женщин вязать, шить зимнюю одежду, выделять овчины для пошива шуб, полушубков. Под контролем немецкой комендатуры в Элисте работал цех по выделке овчин и других изделий из кожсырья. Это подтверждает указание бургомистра города от 12 ноября 1942 г. старосте сельхозтоварищества № 4 «срочно представить к 13 ноября 1942 г. колесный трактор со шкивом на кожевенный завод Элисты по улице Демьяновской»¹⁶. В с. Малые Дербеты немцы и румыны забрали у населения 12 тулупов, 5 полушубков, 3 500 пар шерстяных носков, 9 женских и 5 детских пальто, 135 мужских рубашек, 74 кальсон, 13 пар мужских сапог, 21 пару валенок, 15 детских шубок, 32 одеяла, 1 770 пар варежек, 35 шерстяных платков, 16 пар мужских ботинок, 33 штуки брюк, 40 женских сорочек, 101 ведро и т.п. По требованию оккупационных властей каждый двор должен был связать и сдать немцам и румынским частям не менее трех пар шерстяных носков, выделить по одному человеку на рытье окопов¹⁷.

Основной задачей финансового отдела горуправы являлась реализация финансовой и налоговой политики оккупационного режима. Отдел устанавливал различные виды налогов и сборов (контролировал их своевременное взимание) с населения, организаций и учреждений, определял размеры платных услуг, денежных окладов врачам, служащим, всем работающим по найму.

В газете «Свободная земля» за 6 октября 1942 г. (№ 14) горуправа извещала о том, что в соответствии с «Временным распоряжением о взимании налогов и сборах» командования вермахта от 23 октября 1941 г. «на территории города Элисты и хуторов, расположенных в городской черте, вводится подоходный налог» с граждан 16–50 лет, занятых сельским хозяйством. А это фактически означало, что все население оккупированных улусов облагалось подушным сельскохозяйственным налогом, поскольку основным его занятием было животноводство. Налоги определялись, исходя из количества животных и размера посевных площадей, в следующем порядке: лошадь или верблюд от 3 лет и старше – 700 руб., корова – 1 200, коза или овца – 100, свинья – 400, вол или бык – 400, посевы зерновых 1 га – 3 800, сады, ягодники 1 га – 4 200, посевы табака 1 га – 1 700, огороды, бахчи 1 га – 3 800 руб. Окончательные расчеты по налогам должны были производиться в 2 этапа: 27 октября и 20 ноября 1942 г.

В сельской местности вводились и другие виды налогов: земельный, со строений, военный и т.д. Многие жители сел Яшалтинского улуса, например, предъявляя после изгнания немцев квитанции об уплате оккупационным властям налогов, толком не

знали, за что же они платили полицейским и старостам. Так, жители хотона «Абганер» 1-го Чоносовского сельского правления сдали писарю Д.Л. Мучкинову: Б. Кованова – 375 руб., Ч.Л. Нохенова – 444, Б. Даванова – 280, И.О. Акимова – 150, Д. Акимов – 500, Л. Эльзенов – 450, Б. Сюкинова – 150, И. Чекинов – 400, М.Д. Митров – 500, П. Оляхина – 160 руб. и т.д. Жительница с. Эсто-Хагинка Р.И. Паккер сдала по требованию сельского правления налоги в сумме 600 руб. (семейный, земельный, со строений), сельчанин колхоза «Красный партизан» Н.П. Хмельниченко – 386 руб.¹⁸

В связи с насильственным изъятием домашних животных, птиц, продукции сельского хозяйства население оккупированных улусов, особенно горожане, испытывали серьезные продовольственные трудности. Если в других густонаселенных оккупированных врагом регионах СССР население могло производить обмен одежды, промтоваров на продукты питания, то в Калмыкии из-за огромных расстояний люди практически были лишены этой возможности. Не столько бедственное положение населения города, сколько необходимость продолжения работы предприятий, организаций, строительство оборонительных сооружений заставили оккупационные власти ввести в Элисте дифференцированную карточную систему снабжения хлебом: работавшему на предприятии, стройке – 429 г в день или 3 кг в неделю, в учреждениях, организациях, больнице – 286 г в день или 2 кг в неделю. Выдача ежемесячных талонов на покупку хлеба и его распределение были возложены на торгово-продовольственный отдел горуправы¹⁹. Остальные категории населения во всех захваченных улусах, в том числе дети, старики, семьи коммунистов, военнослужащих Красной армии, евреи не получали хлебные карточки. В привилегированном положении были те, кто добровольно и добросовестно служил фашистам. Например, полицейский села по распоряжению коменданта получал в сельхозтовариществе еженедельно 15 кг хлеба и по 7 фунтов мяса. К тому же, используя служебное положение, полицейские, старосты беззастенчиво грабили односельчан, колхозы, совхозы. Поэтому не случайно после освобождения от немцев с. Тундутова Малодербетовского улуса у граждан Ненашева, Муштаева, Караваева, служивших у фашистов, было обнаружено и изъято 11 264 кг зерна, в с. Плодовитом у 12 бывших полицейских – 10 т зерна²⁰. Кроме того, коллаборационисты и члены их семей были освобождены от всех налогов, повинностей.

В пронацистской структуре управления в первую очередь формировалась полицейская служба, выполнявшая в основном функции принуждения населения к выполнению приказаний немецких военных властей, а также карательные. В каждом крупном селе, центральной усадьбе колхоза, совхоза, улусном административном центре создавались полицейские отряды. Обычно численный состав полиции села, поселка, города определялся оккупантами из расчета 1 полицейский на 100 жителей. Полицейское управление Элисты немцы сформировали, по свидетельству приезжавшего в октябре 1942 г. в Калмыкию председателя Калмыцкого национального комитета в Берлине (эмиграции первой волны) Ш.Х. Балинова, в количестве 170 человек (из них 7 калмыков и 163 русских)²¹. Имеющиеся данные о полиции Элисты, некоторых сельских правлений улусов, установленные нормы расчета полицейского участка дают нам основание говорить о том, что в республике немцы привлекли на службу в качестве полицейских до 800–900 человек (0.6% общей численности населения оккупированных улусов). Так, в полиции 5 сельских правлений Приютненского улуса служили 105 человек, в 6 сельских правлениях Черноземельского улуса – 176, только в 2 сельских правлениях Малодербетовского улуса – 55 человек и т.д.²²

Комплектование полиции осуществлялось в соответствии с инструкцией, как правило, из числа недовольных, обиженных советской властью, бывших белоэмигрантов, уголовного элемента, дезертиров. Нацисты не исключали возможность вербовки, привлечения бывших членов компартии, комсомола, занимавших ответственные должности в партийных и советских органах, колхозах, совхозах, но под особым контролем оккупационных властей. После тщательной проверки и доказательств верной службы, когда пути отступления уже были отрезаны, их в пропагандистских целях охотно оставляли в полицейских подразделениях. Но при этом большую группу людей пред-

ставляли и карьеристы, ранее не реализовавшие свои амбиции. Они, видя успешное наступление немцев летом 1942 г. и вступление в состав нацистских войск бывших советских граждан (туркестанские, кавказские, казачьи легионы), по всей вероятности, предположили, что с советской властью покончено, Германия победит.

По социальному, возрастному составу поступившие на службу в полицию были неоднородны. Наряду с бывшими мелкими служащими колхозов, совхозов, государственных учреждений значительное место занимали колхозники, рабочие разных профессий – механизаторы, животноводы, строители и т.д. На службу в полицию привлекались мужчины 18–50 лет и старше, разных национальностей. Кадры в местные пронацистские структуры подбирались по национальному признаку. В частности, в полиции Западного (население – 7 405 русских, 3 982 калмыка), Яшалтинского (соответственно 10 121 и 3 543), Сарпинского (8 330 и 4 299), Малодербетовского (11 505 и 7 861) улусов преобладали русские, а в селах Кетченеровского (население – 1 054 калмыка, 2 214 русских), Черноземельского (соответственно 10 906 и 4 948), Троицкого (6 046 и 5 719) улусов полицейские службы в основном были укомплектованы калмыками. В полиции Приютненского улуса имелось одинаковое количество русских и калмыков (население – 8 036 калмыков и столько же русских). Таким образом, в полиции оккупированных улусов служили примерно 50% калмыков, 50% русских и украинцев. Это дает нам основание не согласиться с утверждением Б.В. Соколова о том, что калмыки «пользовались преимуществом при назначении на административные должности на всех оккупированных советских территориях»²³. В других же оккупированных районах СССР, даже в соседних областях и краях, в немецкой администрации не было ни одного калмыка.

По данным Калмыцкого обкома ВКП(б), полученным после освобождения республики, в полиции служили 53 коммуниста (7.2% от оставшихся на захваченной территории), из них 42 калмыка. Большею частью они состояли в партийных организациях Кетченеровского (13 человек), Приютненского (13) и Черноземельского (11) улусов. Образовательный уровень этих коммунистов был низким: лишь трое имели незаконченное среднее образование, остальные – только начальное. Кроме того, все они вступили в партию только в 1940–1942 гг. (46 человек). В годы советской власти преимущественная их часть занимала незначительные должности в колхозах и совхозах, за исключением пяти секретарей первичных парторганизаций. По социальному происхождению все они были из беднейших слоев населения, прошли проверки при вступлении в партию. Немцам удалось в добровольном и принудительном порядке привлечь к полицейской службе и некоторую часть комсомольцев республики. Из 2 219 членов ВЛКСМ, оставшихся в селах, поселках оккупированных улусов, в полиции служили 72 человека (37 калмыков, 35 русских). Больше всего комсомольцев пошло работать в полицию в Яшалтинском (19 человек), Черноземельском (13), Приютненском (9) улусах. Например, в полицейском отряде Бага-Бурульского сельского правления Приютненского улуса, состоявшем из 21 человека, служили 4 бывших коммуниста и 4 бывших комсомольца.

Большинство служивших оккупантам коммунистов и комсомольцев вынуждены были согласиться на это под страхом смерти. Только в Приютненском улусе немцы расстреляли 20 коммунистов и 30 комсомольцев, в Элисте – 85 коммунистов, Яшалтинском улусе – 90 человек партийно-советского актива, в том числе 35 коммунистов, из них 17 калмыков, в Западном улусе – 15 коммунистов, из них 11 калмыков и т.д. Об этих фактах совершенно правдиво говорил А.П. Михайлов, нарком госбезопасности республики, утверждая 26 февраля 1943 г. на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б), что немцы «разжигали национальную рознь между калмыками и русскими. Они заигрывали с калмыками, называя себя “освободителями” калмыков, и в то же время пачками их расстреливали»²⁴. Некоторые все же встали на путь предательства добровольно под влиянием родителей, родственников (у кого-то отец, брат или дядя служили у немцев). Этот последний фактор более заметен в Яшалтинском и Западном улусах, поскольку до коллективизации зажиточные хозяева составляли значительную часть населения.

При отступлении немцев 40 бывших комсомольцев ушли с врагом и сражались на его стороне²⁵.

Полиция организационно входила в состав горуправы, улусных и сельских правлений и формально подчинялась их голове и старостам, но фактически работала по заданиям и под контролем германской военной комендатуры и гестапо. В штате городской полиции имелись уполномоченные по улицам, основными обязанностями которых были надзор за населением, общественным порядком, за иногородними и приезжавшими, отслеживание и выявление антифашистски настроенных людей, коммунистов, комсомольцев, а в селах назначались десятники, большей частью занимавшиеся сбором продовольствия у населения для гитлеровских солдат. Вместе с карательными отрядами полицейские активно участвовали в арестах, расстрелах партизан, патриотов, советских военнопленных, евреев, заложников из мирных жителей, заподозренных в антинацистских выступлениях. Только по Элисте гестаповцы совместно с полицией расстреляли более 800 человек, в Яшалтинском улусе – 160, Западном – 79 и т.д. В Троицком улусе лишь за один день, 10 сентября 1942 г., с участием полицейских были расстреляны 27 человек. Однако полицейские и старосты за свое предательство, службу нацистам расплачивались жизнями. Из неполных данных известно, что только двумя партизанскими отрядами в октябре–ноябре 1942 г. были убиты около 30 полицейских и старост²⁶.

Создавая пронацистские структуры управления, гитлеровцы одновременно развернули широкую сеть всех видов пропагандистской и идеологической работы на оккупированной территории Калмыцкой АССР. Службы фашистской пропаганды, основные направления деятельности которых были заранее отработаны, цели и задачи конкретно определены, всеми средствами и способами идеологического воздействия пытались дезориентировать граждан Калмыкии, внушить им уверенность в непобедимости германского оружия и в скором окончании войны. Согласно директиве начальника штаба верховного командования вооруженных сил Германии от 6 июня 1941 г., основная цель пропаганды заключалась в стремлении расколоть советское общество, разжечь национальную рознь, подавить моральный дух и сопротивление советского народа, представить войну против СССР как освободительную миссию Германии. В соответствии с указанной директивой гитлеровские власти на оккупированной территории в первую очередь организовывали под немецкой цензурой радиопередачи, выпуск газет, иных периодических изданий. Их задача состояла в успокаивающем воздействии на местное население с целью парализовать его волю к сопротивлению, сдерживать от каких-либо выступлений против немецких войск, а также в привлечении неустойчивых людей, готовых служить вермахту. Нацистская служба пропаганды в захваченных районах всегда восстанавливала типографии и активно использовала их в своих идеологических целях. Элистинская типография с полиграфическим оборудованием, техническим и рабочим персоналом, которую не эвакуировало руководство республики, сразу же оказалась в распоряжении оккупационных властей.

Партийные органы Калмыкии не только не были готовы противодействовать пропаганде противника, но и вообще в течение первых двух с половиной месяцев оккупации не вели в какой-либо форме пропагандистско-разъяснительную работу среди населения оккупированных улусов. Калмобком ВКП(б) с 10 августа 1942 г. прекратил издание газеты «Улан хальмг» (возобновил только 15 февраля 1943 г.), а газету «Ленинский путь» стали печатать в уменьшенном формате и меньшим тиражом. В результате, оставшиеся в оккупации оказались забытыми, брошенными на произвол судьбы, в информационной изоляции. До начала ноября 1942 г. (появление первых листовок и нескольких номеров газеты «Вести с Родины», периодичностью раз в неделю, и начала деятельности разведывательно-диверсионных отрядов) они не знали о положении на фронтах, об обстановке в стране и республике. Этим оперативно воспользовалась германская служба пропаганды. С первых же дней оккупации на жителей временно захваченных улусов обрушился поток немецкой лжи о скорой победе Германии, об исторической миссии немцев в освобождении от большевизма, о возврате к частной соб-

ственности, предоставлении свободного самоуправления и т.п. Впоследствии представитель ЦК ВКП(б) Брюхачев, выступая 25 и 26 июня 1943 г. на партийных собраниях Сарпинского и Малодербетовского улусов, отмечал, что «калмыцкий народ много дал продовольствия Красной армии. Но партийные органы, увлекшись хозяйственными делами, забыли о массово-политической работе среди населения..., а немцы вели свою пропаганду среди нашего народа неплохо»²⁷.

Для усиления эффективности и большей «убедительности» распространяемой информации военные комендатуры привлекли в качестве пропагандистов коллаборационистов из числа известных местному населению людей. В Кетченеровском улусе таким активным «пропагандистом» оказался бывший комсомолец Ч.О. Манджиев, работавший до оккупации народным судьей улуса; в Яшалтинском улусе – директор школы М.К. Соломонов, имевший высшее образование; в Западном улусе – бывшая комсомолка П.В. Свиридова²⁸.

Заняв часть территории Калмыцкой АССР, оккупационные власти организовали издание двух газет – на калмыцком языке «Теегин херд» («Степной орел») и на русском – уже упоминавшаяся «Свободная земля» (ответственный редактор – И. Болдырев). Первый номер «Свободной земли» вышел уже 6 сентября 1942 г. В газете, выходившей 3 раза в неделю, не значились ни издатель, ни редактор, ни тираж. В основном материалы печатались без указания авторов и корреспондентов, большей частью под псевдонимами, видимо, из-за боязни возмездия за сотрудничество с врагом, за исключением статей заведующего отделом здравоохранения городской управы И.Ф. Агеева, активно и открыто выступавшего на страницах этого издания. За характер, подборку и направленность статей отвечали профессиональные немецкие пропагандисты, а за стиль изложения – бывшие советские корреспонденты. Публикации в газете показывают, что гитлеровская пропаганда действовала по шаблону в соответствии с инструкциями ведомства Й. Геббельса, внося лишь коррективы в описание последних событий с учетом особенностей захваченного региона.

Из передовицы «Почему бушует война» в № 7, опубликованной 20 сентября 1942 г., видно, что немецкие пропагандисты в Калмыкии начали внушать населению занятой территории мысль о том, что война была спровоцирована большевиками: «Германия страстно желала мира и дружбы со всеми народами, в особенности со своими великими соседями Англией, Францией и Россией. Гитлер, не желая распространения войны, заключил с Советским Союзом договор о взаимном ненападении. Но Сталин, сговорившись с Англией, решил напасть на Германию. Пришлось его упредить». Далее автор передовицы для правдоподобности даже ссылался на Ленина: «Сталин заключил договор с Англией, США, т.е. с самыми жестокими врагами социализма, которые топчут ногами права трудящихся, с теми странами, к борьбе с которыми и к уничтожению которых звал Ленин. Вы были обмануты». Наряду с подобного рода статьями значительное место отводилось анализу политики репрессий, коллективизации, раскулачивания. Приведя известные факты, обвинив большевиков и евреев, оккупанты пытались подвести к мысли о том, что только Германия избавит народ Советского Союза от сталинской тирании.

На первой странице газеты имелся специальный раздел «Сводка Верховного командования германской армии», в котором подробно рассказывалось о событиях в близлежащих регионах, на восточном и кавказском направлениях, о скором завершении разгрома советских войск, будто бы почти потерявших боеспособность. Вплоть до окружения 6-й армии генерала Ф. Паулюса газета «Свободная земля» стремилась преподнести материалы об успехах германской армии не только на участках Восточного фронта, но и на других направлениях. Поэтому ее страницы в октябре-ноябре 1942 г. пестрели такими сообщениями: «В Сталинграде в ожесточенных уличных боях взяты новые кварталы северной части города» (№ 14 от 6 октября), «Да здравствует Роммель» (№ 19 от 18 октября) и т.п. После того как 23 ноября 1942 г. замкнулось кольцо вокруг 6-й немецкой армии и румынских частей, совершенно изменился не только тон официальных хроник о событиях на фронтах, но и шрифт, текст сводок стал помельче. Так, 24 ноября скупой

сообщалось: «На Кавказе плохая погода препятствовала большим боевым действиям... К юго-западу от Сталинграда в большой излучине Дона советские войска, беспощадно жертвуя людьми и материалами, ворвались в донской оборонительный фронт». Ни слова не говорилось об оказавшихся в котле пяти немецких корпусах в составе 20 дивизий, двух румынских, большей части артиллерии, крупных сил инженерных частей.

Пропагандируя свои победы, немцы прибегали к уловкам, пытались убедить народ оккупированной территории в том, что его вожди признаются в поражении, безысходности, используя подлинные тексты выступлений руководителей коммунистической партии и советского правительства. Так, в передовой статье «Признание Калинина» (№ 32 от 17 ноября) говорилось, что 8 октября 1942 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин принял в Кремле передовых комсомольцев-колхозников и обратился к ним с большой речью (действительно, такая встреча была. – *К.М.*). Далее приводились отдельные вырванные из контекста цитаты с соответствующей интерпретацией: «Война, которую ведет наше государство, очень тяжелая и кровопролитная. Немцам удалось втянуть в войну на своей стороне армии ряда государств... и нам приходится одним с целым рядом государств Европы воевать». «Это очень ценное признание из уст представителя правительства СССР, – подчеркивалось в статье, – ведь до сих пор население СССР только и слышало о союзниках, об их помощи, о солидарности, а тут вдруг получается, что нам приходится воевать одним». Статья завершалась выводом: «Это первая речь представителя советского правительства, с полной откровенностью признающая перед всем населением Советского Союза совершенно катастрофическое положение страны».

Немецкие пропагандисты не забывали внушать населению мысль о превосходстве экономики Германии, в том числе и животноводства, более близкой и понятной народу Калмыкии отрасли. В статье «Военно-хозяйственные возможности Германии после трех лет войны» (№ 22, 25 октября) отмечалось, что «производство военного вооружения – у нас в благополучном состоянии: танки, орудия и прочее вырабатываются сериями, по составленным планам... на фронте не ощущается недостатка в вооружении. Производительность хозяйства для этого должна быть максимально высокой, – что у нас и имеется».

Пропаганда противника старалась убедить население в том, что немцы пришли избавить народ СССР от большевизма, построить новую жизнь, помочь в развитии культуры, образования, восстановить утраченные традиции, обычаи. Поэтому на страницах газеты как величайший дар оккупационной власти преподносились открытие начальной школы, молеального дома, церкви, выступление силой согнанных самодельных артистов для развлечения немецких солдат. 22 октября 1942 г. в газете сообщалось о том, что «начались занятия в школах». На самом деле речь шла о двух начальных школах (120 и 165 учащихся), в учебную программу которых включались: математика, естествознание, русский и калмыцкий языки, в 4-м классе добавлялся немецкий язык. Открытие этих школ и введение новых программ обучения полностью соответствовали принятой нацистами концепции образования населения в восточных областях, изложенной рейхсфюрером СС Г. Гиммлером в докладе Гитлеру от 25 мая 1940 г. В нем предлагались, например, такие меры обращения с местным населением, прежде всего в сфере образования: «Для немецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должны быть только простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю ненужным. Кроме школ этого типа в восточных областях не должно быть больше никаких школ»²⁹. Гитлер же в беседе с соратниками 22 июня 1942 г. говорил: «Я за то, чтобы обучать местное население в школах немецкому языку, и то лишь потому, что для успеха нашего управления необходимы известные языковые предпосылки. А то ведь каждый житель будет уклоняться от выполнения немецких распоряжений под тем предлогом, что не понял их»³⁰.

В своей пропагандистской и идеологической работе нацисты активно использовали религию. Учитывая религиозный подъем среди населения СССР с началом войны, они провозглашали свободу религии и право верующих на организацию религиозных объединений. На страницах многих номеров газеты пестрели заголовки: «Церковь и хурулы открыты вновь», «Свобода вероисповедания в Калмыкии», «Церковь открыта вновь в с. Троицком» и т.д. В них обязательно подчеркивалось, что в этом заслуга военного командования и комендатуры, сельских и городской управ.

Захватив большое количество скота, шерсти, хлеба, оставленных на оккупированной территории республики, немецкая власть на первых порах заигрывала с местным населением и не посягала на его имущество (так же, как и на Ставрополье, в станицах казаков на Дону и Кубани). Тем самым, как писали в докладной от 10 декабря 1942 г. служившие в Центральном штабе партизанского движения (ЦШПД) генерал И. Рыжиков и майор Н. Шестаков начальнику ЦШПД П.К. Пономаренко, немцы создавали иллюзию «освободителей». Кроме того, отсутствие военных гарнизонов противника в селах южных районов (Западного, Яшалтинского, Приютненского) и Кетченеровского улуса создавало впечатление о предоставлении местному населению «полной автономии». Такая обстановка складывалась, резюмировали представители ЦШПД, в результате бездеятельности партийно-политических органов Калмыцкой АССР, отсутствия агитационной работы среди населения (в форме листовок, живой агитационно-пропагандистской работы)³¹.

Лишь со второй половины сентября 1942 г. Калмыцкому обкому ВКП(б) и Совнаркому Калмыцкой АССР удалось стабилизировать обстановку в республике и навести порядок, обеспечить мобилизационные мероприятия, нормальное функционирование партийных и советских органов, военкоматов, учреждений, организаций, предприятий прифронтовых улусов, а также при активном содействии ЦШПД только к концу октября 1942 г. организовать и направить в оккупационные улусы, тыл противника партизанские и разведывательно-диверсионные отряды. В октябре в тыл противника были направлены 98 человек, обучены и находились в готовности к выступлению 120 человек, которых штаб 28-й армии полностью обеспечил вооружением, техническими средствами и обмундированием³².

Астраханская спецшкола № 005 (начальник А.М. Добросердов, бывший секретарь Элистинского горкома партии), созданная на базе спецкурсов, к середине ноября 1942 г. подготовила и направила в тыл врага 316 бойцов, которые были сведены в 19 партизанских отрядов и самостоятельно действующих групп, значительная их часть (12 отрядов в составе 217 человек, из них 124 калмыка) действовала в оккупированных улусах Калмыцкой АССР, остальные – на территории Ростовской и Сталинградской областей, Орджоникидзевского края. К концу 1942 г. в этой спецшколе прошли обучение 540 человек, в том числе 247 из Калмыкии³³.

Постоянно держа в напряжении захватчиков, достаточно успешно действовали в их тылу 13 партизанских отрядов и две спецдиверсионные группы, в их числе отряды И.Г. Гермашева (командир) и Б.Х. Адучиева (комиссар), И.Н. Чернышова и Ш.Д. Даванова, В.Н. Кравченко и Л.Г. Горяева, С.А. Коломейцева и Б.К. Бактаева и др. Население Калмыкии помнит и чтит память о своих прославленных партизанах Т. Хахлыновой и В. Косиеве, которые сражались в отряде № 57 (командир – П.Н. Яковлев, работавший начальником политотдела Ульдициновской МТС, комиссар – Б.Г.-У. Убушаев, ранее начальник политотдела Верхне-Яшкульской МТС) на территории Троицкого улуса. Отряд в составе 19 человек (11 русских и 8 калмыков) более месяца успешно действовал на дорогах Троицкое–Овата–Чилгир–Сараха–Кегульта–Абганерово. Они нападали на гарнизон румын в Кегульте, на полицейские участки, взрывали автомашины с вражескими солдатами и офицерами. В результате было убито значительное количество оккупантов, 15 полицейских и 5 старост. 13 ноября 1942 г. Хахлынова и Косиев, лично уничтожившие в последнем бою соответственно 11 и 8 немецких солдат и офицеров, погибли в застенках гестапо³⁴.

Действия партизан имели не только военное, но и моральное, идеологическое значение. В их рядах плечом к плечу сражались русские, калмыки, украинцы и представители других народов, соседних краев и областей. Они получали помощь и поддержку у населения, простых граждан республики, что свидетельствовало о провале нацистской политики по разжиганию межнациональной розни в СССР, о крахе расчетов фашистов на калмыков как на «третью силу». Партизанская борьба в тылу врага на оккупированной части территории Калмыцкой АССР усилила сопротивление населения захватчикам, хотя из-за трудностей природных условий не была развернута в широких масштабах.

В период временной немецкой оккупации (август 1942 – начало января 1943 г.) часть территории Калмыцкой АССР оказалась на важнейших стратегических направлениях: 4-я танковая армия, затем группа армий «Дон» рвались к Сталинграду на помощь 6-й армии Паулюса, 16-я мотодивизия – к Астрахани с целью перерезать низовье Волги. Несмотря на сложную обстановку, потери значительной части скота и имущества, республика, продолжая выполнять государственные обязательства и оборонные заказы, помогала фронту в снабжении продовольствием, пополнении личного состава частей советских 28-й и 51-й армий, в развертывании разведывательно-диверсионных отрядов. Особое внимание уделялось мобилизации призывников и военнообязанных на фронт. В течение 2,5 месяцев войны (июнь 1941 – декабрь 1943 г.) Калмыцкая АССР направила в действующую армию более 43 тыс. человек, в том числе 21 219 калмыков. Подавляющее большинство населения республики, позитивно восприняв достигнутые результаты национально-государственного строительства, развития культуры и образования, новых отраслей экономики, социально-бытовой жизни, активно встало на защиту своей Родины, Советского государства, и внесло посильный вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

Примечания

¹ *Честмир А.* Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР // История СССР. 1996. № 2. С. 185, 187; РГАСПИ, ф. 7445, оп. 2, д. 99, л. 227.

² Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК), ф. Р-68, оп. 1, д. 2; д. 18; ф. П-22, оп. 1, д. 140, л. 8, 14.

³ Там же, ф. Р-1, оп. 3, д. 27, л. 25; ф. Р-68, оп. 1, д. 2; д. 6, л. 71; ф. П-22, оп. 1, д. 148.

⁴ ГА РФ, ф. Р-7021, оп. 8, д. 28, л. 1–7.

⁵ НА РК, ф. Р-322, оп. 1, д. 1, л. 5, 6, 8, 19, 39, 60; д. 31, л. 20, 72.

⁶ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 208.

⁷ НА РК, ф. Р-68, оп. 1, д. 9, л. 8; ф. П-1, оп. 3, д. 721, л. 4; д. 839, л. 169; д. 781, л. 18, 49, 62, 84.

⁸ Там же, ф. Р-322, оп. 1, д. 2, л. 8, 11; д. 3, л. 7–10, 28, 36.

⁹ *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 195.

¹⁰ НА РК, ф. Р-322, оп. 1, д. 1, л. 7, 31; д. 2, л. 113; д. 4, л. 42; д. 10, л. 19; ф. Р-131, оп. 1, д. 1098, л. 52; ф. Р-326, оп. 1, д. 11, л. 1–3; д. 17, л. 17; ф. П-1, оп. 3, д. 868, л. 2.

¹¹ Там же, ф. Р-326, оп. 1, д. 10, л. 38.

¹² Там же, д. 4, л. 20.

¹³ Там же, д. 10, л. 29.

¹⁴ *Маништейн Э.* Утерянные победы. Смоленск, 2004. С. 579.

¹⁵ *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 130.

¹⁶ НА РК, ф. Р-326, оп. 1, д. 9, л. 19.

¹⁷ Там же, д. 10, л. 10; ф. Р-68, оп. 1, д. 9, л. 10; РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 40, л. 2.

¹⁸ НА РК, ф. Р-68, оп. 1, д. 18, л. 29, 57, 60–69, 72, 85.

¹⁹ Там же, ф. Р-322, оп. 1, д. 1, л. 70, 71.

²⁰ Там же, ф. Р-326, оп. 1, д. 1, л. 28; ф. Р-131, оп. 10, д. 114, л. 2.

²¹ Хальмэг. 1943. № 6. Октябрь. С. 5.

²² НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 57, л. 9–21; д. 51, л. 134, 136; ф. П-12, оп. 1, д. 103, л. 2–14, 27–32.

- ²³ Там же, ф. Р-26, оп. 1, д. 357, л. 1-2; *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 6.
- ²⁴ НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 784, л. 71.
- ²⁵ Там же, ф. П-22, оп. 1, д. 46, л. 149; д. 140, л. 8–98; д. 141, л. 71–124; д. 142, л. 2–33; д. 143, л. 2–32; д. 144, л. 5–25; д. 145, л. 3–42; д. 147, л. 10–42; д. 148, л. 4–46; ф. П-8, оп. 1, д. 57, л. 18.
- ²⁶ Там же, ф. П-1, оп. 3, д. 868, л. 45.
- ²⁷ Там же, ф. П-10, оп. 1, д. 72, л. 24, 25; ф. П-9, оп. 1, д. 146, л. 41; ф. П-1, оп. 3, д. 784, л. 47.
- ²⁸ Там же, ф. П-1, оп. 3, д. 713, л. 8–16; д. 729, л. 6; д. 783, л. 43; д. 842, л. 201 об.; д. 785, л. 47–49; ф. П-22, оп. 1, д. 140, л. 79; д. 148, л. 54.
- ²⁹ *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 1. Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. М., 2001. Док. № 11. С. 79.
- ³⁰ Там же. Док. № 13. С. 97.
- ³¹ НА РК, ф. П-830, оп. 1, д. 58, л. 14; РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 148, л. 64, 73.
- ³² НА РК, ф. П-830, оп. 1, д. 1, л. 12–14; РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 33, л. 4.
- ³³ НА РК, ф. П-830, оп. 1, д. 2, л. 34–39; д. 58, л. 18–24; ф. П-1, оп. 3, д. 837, л. 2–5.
- ³⁴ Там же, ф. П-830, оп. 1, д. 20, л. 1–3, 14–16; д. 23, л. 12, 22, 26; РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 45, л. 68.

© 2012 г. В. А. ИЛЬИНЫХ*

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ

Генеральной тенденцией социального развития деревни в советский период являлось ее раскрестьянивание – длительный и многомерный процесс, включающий в себя сокращение численности и доли крестьянства в составе населения государства, региона и деревни, снижение удельного веса крестьянских хозяйств в общем объеме аграрного производства, а также кардинальную трансформацию институциональных характеристик крестьянства, определяющих его как класс. Итогом происходящих с крестьянством изменений является его превращение в принципиально новую социальную общность. Данный процесс, с одной стороны, носит глобальный характер, а с другой – в различных странах имеет свою специфику. Применительно к СССР в целом и отдельным регионам его содержание можно определить термином «социалистическое раскрестьянивание».

Для воссоздания целостной картины раскрестьянивания деревни в Сибири в советский период проведем поэтапный анализ изменений наиболее значимых демографических, экономических и социокультурных характеристик сибирского крестьянства. Основное внимание при этом будет уделено рассмотрению эволюции и трансформации основных институциональных характеристик крестьянства. Представляется, что выводы, сделанные на материалах Сибири, будут репрезентативны для всей страны, поскольку со времени проведения массовой коллективизации аграрные отношения в регионе потеряли качественную специфику.

По мнению Т. Шанина, к основным родовым чертам крестьянства относятся: семейное дворохозяйство как основа социальной самоорганизации и основной источник его существования, община (мир), традиционная крестьянская культура и образ

* **Ильиных Владимир Андреевич**, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 29.3.3.